

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 12

БАДАЕВСКИЙ ПРИЗРАК

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз
Бадаевский призрак

«Автор»

2026

Карадениз М.

Бадаевский призрак / М. Карадениз — «Автор», 2026

Сентябрь 1941 года. Ленинград в кольце блокады. В первые же дни осады загораются Бадаевские склады — главный продовольственный резерв города. В руинах пепелища капитан НКВД Алексей Ухтомский находит обрывок шифра, пустой сейф и странный знак на стене — вензель Николая II с перечёркнутой короной. Кто-то был здесь до пожара. Кто-то искал не хлеб. Но что именно — и кому это понадобилось в самый страшный час для города? Ухтомский начинает расследование, которое приведёт его из блокадного Ленинграда в уральскую глушь, из московских архивов — в руины Европы. Чем глубже он погружается в дело, тем яснее понимает: это след, ведущий в прошлое — к 1914 году и к человеку, который создал нечто, способное изменить мир. Спустя десятилетия правнучка Алексея находит загадку, оставленную прадедом. Ей предстоит повторить его путь. «Бадаевский призрак» — двенадцатая книга цикла «Ленинградская вязь». История о том, как прошлое никогда не умирает. Оно просто ждёт того, кто готов его услышать.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ I. «ГОРЯЩИЙ БЕРЕГ»	9
ГЛАВА 1. «Пепел и сахар»	9
ГЛАВА 2. «Архивное дело»	13
ГЛАВА 3. «Портрет императора»	16
ГЛАВА 4. «Химическая формула»	19
ГЛАВА 5. «Свидетельни	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Бадаевский призрак

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Время: 6 сентября 1941 года, 23:00

Место: Ленинград, Бадаевские склады, южный берег Обводного канала

1941 | Граф Сергей Павлович Ламздорф

Ночь над Ленинградом была чёрной, как дёготь. Затемнение работало безупречно — ни одного огня, ни одного проблеска, только редкие вспышки зенитных прожекторов, шаривших по небу в поисках невидимых самолётов. Город затаился, сжался, готовился к долгой зиме. Ламздорф знал эту зиму — он читал сводки, слышал разговоры в штабе Абвера. Тысячи умрут от голода. Но это его не волновало.

Он шёл вдоль Обводного канала, прижимаясь к стенам, стараясь не выходить на открытые пространства. На поясе — браунинг, в кармане — отмычки, в голове — карта, которую он помнил наизусть. План складов, составленный ещё в 1918 году, когда он, молодой поручик, служил при комендатуре Зимнего дворца. Тогда эти склады назывались «продовольственными магазинами Его Императорского Величества» — туда свозили муку, крупы, сахар для императорской семьи. Но под складами было другое — лаборатория, где работал химик Аркадий Бадаев-старший. Тот самый, что создал для Николая II формулу, которая могла бы спасти Россию.

Ламздорф остановился у входа, знакомого по старым чертежам. Вход был завален мешками с песком — защита от бомб. Но Ламздорф знал, что сбоку есть лаз, о котором забыли даже строители. Он отодвинул доску, протиснулся в щель и оказался в коридоре, где пахло сыростью и керосином.

Внутри было тихо. Только где-то наверху, в складах, слышались шаги — ночная смена, рабочие, грузчики. Они не знали, что под ними есть подвал. И они не знали, что через два дня немецкая авиация сровняет склады с землёй.

Ламздорф спустился по лестнице в подвал. Дверь была закрыта на старый замок, ещё дореволюционный, с гербом императорской России. Ламздорф усмехнулся — он помнил этот герб, когда служил при дворе. Теперь он работал на людей, которые уничтожили этот герб. Ирония судьбы.

Замок щёлкнул, дверь открылась. Внутри горел тусклый свет — единственная лампочка под потолком, защищённая жестяным абажуром. Ламздорф вошёл и остановился.

За столом сидел Аркадий Бадаев-младший. Он был похож на деда — те же тонкие пальцы, тот же пристальный взгляд. Только старше, уставшее. Война вымотала его, как и всех в этом городе.

— Граф, — сказал Бадаев, не поднимая глаз. — Я знал, что вы придёте.

— Тогда ты знаешь, зачем я здесь, — Ламздорф шагнул вперёд.

Бадаев поднял голову. В его глазах не было страха — только усталость и какая-то странная печаль.

— Вы пришли за формулой, — сказал он. — Как и все. Но вы не получите её.

— Думаешь, у тебя есть выбор? — Ламздорф вынул браунинг и положил его на стол, между ними. — Я могу забрать её силой.

— Вы можете убить меня, — спокойно ответил Бадаев. — Но вы не найдёте микрофильм. Я спрятал его так, что никто не найдёт. Даже вы, граф.

Ламздорф уставился на него. Он знал, что Бадаев не блефует — он чувствовал это по голосу, по тому, как тот держится. Молодой химик был готов умереть.

— Зачем тебе это? — спросил Ламздорф. — Ради чего ты готов пожертвовать жизнью? Ради большевиков, которые расстреляли твоего деда?

— Ради России, — ответил Бадаев. — Не той, что была, и не той, что сейчас. Ради той, что будет.

Ламздорф усмехнулся.

— Наивный мальчишка. Будущей России нет. Есть только то, что мы создадим сегодня. И формула нужна мне, чтобы создать правильную Россию. С императором, с порядком, без большевиков.

— Вы служите Гитлеру, — тихо сказал Бадаев. — Не лгите себе, граф. Абвер платит вам, и вы охотитесь за формулой для них. Вы продали Россию за шанс вернуться.

Ламздорф сжал кулаки. Он хотел ударить Бадаева, но сдержался — пока.

— Я не продал Россию, — сказал он. — Я спасаю её от большевиков. Немцы — временный союзник. Когда мы получим формулу, когда мы создадим армию, которая не будет бояться огня — тогда мы вернёмся. Тогда Россия станет прежней.

— Препней России нет, — покачал головой Бадаев. — И никогда не будет. Вы живёте прошлым, граф. А я живу будущим. И я не отдам вам формулу.

Ламздорф шагнул вперёд, схватил Бадаева за воротник и прижал к стене. Тот не сопротивлялся, только смотрел в глаза Ламздорфу с тем же спокойствием.

— Где микрофильм? — спросил Ламздорф.

— Я не скажу.

Ламздорф ударил его по лицу. Бадаев упал, но поднялся, вытирая кровь с разбитой губы.

— Я не скажу, — повторил он.

Ламздорф начал пытать его. Он делал это профессионально, без лишней жестокости — просто методично, как учили в Абвере. Но Бадаев молчал. Он кричал, но не говорил. Он смотрел на портрет Николая II, висевший на стене, и молчал.

Через пятнадцать минут Ламздорф остановился. Он был в поту, его руки дрожали. Бадаев лежал на полу, избитый, но живой.

— Последний раз, — сказал Ламздорф, зажимая пальцы на его горле. — Где он?

Бадаев улыбнулся окровавленными губами.

— Ты никогда его не найдёшь, — прошептал он.

Ламздорф сжал пальцы. Бадаев захрипел, дёрнулся и затих. Ламздорф держал его несколько секунд, потом разжал руки и встал.

Тело лежало на полу, лицо было бледным, почти белым. Ламздорф посмотрел на него и почувствовал пустоту. Он не хотел убивать — он хотел получить микрофильм. Но теперь всё, что он мог сделать — это найти его сам.

Он обыскал лабораторию. Он перерыл стол, пробирки, шкафы. Ничего. Только пустая шкатулка, на дне которой была выцарапана дата: «12 июня 1914» и буквы «А.Б.». Ламздорф понял, что это ключ, но не знал, к чему. Он разозлился — он потратил годы, чтобы найти этот след, и теперь всё пошло прахом.

Он перетащил тело в угол, где пол был земляным, и начал копать. Через десять минут яма была готова. Он засыпал тело землёй, утрамбовал и поставил сверху пустой ящик. Никто не найдёт его до конца войны. А если найдут — решат, что он погиб при пожаре.

Перед уходом Ламздорф достал из кармана нож и вырезал на стене знак — вензель Николая II с перечёркнутой короной. Он хотел, чтобы те, кто придёт сюда после него, знали: «императорская кровь» ушла. Формула не будет найдена — по крайней мере, не ими.

Он поднялся по ступеням, закрыл дверь и вышел в ночь. Склады стояли молча, готовые к смерти.

Через два дня немецкие бомбы упадут на эти склады, и три тысячи тонн муки сгорят, превратившись в пепел. Сахар расплавится, смешается с землёй, и этот сладкий запах будет стоять над Ленинградом много недель. А тело Бадаева останется под землёй, и никто не узнает, что он умер не от бомбы, а от руки человека, который когда-то служил императору.

Ламздорф ушёл в ночь, и след его потерялся в городе, который уже начал умирать от голода.

ЧАСТЬ I. «ГОРЯЩИЙ БЕРЕГ»

ГЛАВА 1. «Пепел и сахар»

Время: 9 сентября 1941 года, 06:00

Место: Ленинград, Бадаевские склады, Обводный канал

Блокада | Алексей Ухтомский

Запах ударил в лицо, едва Алексей вышел из машины. Сладкий, приторный, тошнотворный — горелый сахар смешивался с запахом гари, мокрой золы и чего-то ещё, неуловимого, что он не мог определить. Этот запах останется с ним навсегда, вьётся в память, как символ того, что Ленинград начал умирать.

Бадаевские склады догорали. Восемь тысяч квадратных метров деревянных построек, возведённых ещё в 1914 году купцом Растеряевым, превратились в чёрное пепелище. Кое-где ещё тлели балки, дымились кучи обгоревшего зерна, которое рассыпалось по земле, смешиваясь с сахарным пеплом. Алексей сделал шаг вперёд и почувствовал, как нога проваливается в мягкое, горячее месиво — сахар расплавился, впитался в землю, и теперь под ногами была не почва, а сладкое тесто. Он поднял ногу и посмотрел на подошву сапога: к ней прилипла чёрная, липкая масса, от которой исходил тот самый приторный запах. Он попытался стереть её о камень, но она не отставала, как будто сама земля не хотела отпускать его.

— Господи, — сказал лейтенант Семёнов, выходя следом. — Здесь пахнет смертью.

— Смертью и хлебом, — поправил Алексей. — Три тысячи тонн муки. Две с половиной тысячи сахара. Всё, что было. Всё, что могло накормить город этой зимой.

Он стоял на берегу Обводного канала, глядя на руины. Вчера, 8 сентября, немецкие бомбардировщики сбросили зажигательные бомбы, и склады загорелись. Пожар тушили два дня, но спасти удалось немного. Теперь город остался без продовольственных запасов, и Алексей знал, что это значит: голодная зима. Он вспомнил, как вчера, когда он возвращался с патрулирования, он видел очереди у булочных — длинные, молчаливые, бесконечные. Люди стояли под дождём, не разговаривая, и их лица были пустыми. Они ещё не знали, что хлеба станет меньше. Но они чувствовали это.

Но не только из-за продовольствия он был здесь.

Генерал Глухов дал задание накануне вечером, когда Алексей вернулся с патрулирования. Он вызвал его в свой кабинет в Смольном, где пахло керосином и махоркой, и сказал, не поднимая глаз от бумаг:

— Капитан, вчера сгорели Бадаевские склады. Мы знаем, что там было продовольствие. Но есть оперативная информация, что там хранилось кое-что ещё. На складах работал химик, который занимался секретными экспериментами для военных нужд. Немцы интересовались этим ещё до бомбёжки. Проверь. Найди что-нибудь.

Алексей спросил:

— Что именно искать?

Глухов пожал плечами:

— Не знаю. Может быть, ничего. Но если найдёшь — доложишь.

Алексей помнил взгляд Глухова — усталый, но цепкий. Он знал, что генерал не даёт заданий просто так. Если он сказал «проверь», значит, там действительно было что-то важное. Он думал о том, что немцы бомбили склады не случайно. Они знали, что там есть что-то, что могло изменить ход войны. И теперь всё это лежало под слоем пепла и сахарной массы.

— Будем искать? — спросил Семёнов, переступая через обгоревший брус. Он был молод, всего двадцать три, но уже успел повидать достаточно. Его лицо было испачкано копотью, а в глазах — та самая усталость, которая появляется у людей после нескольких месяцев войны.

— Будем, — Алексей двинулся вперёд. — Ищи подвалы. Если что-то и сохранилось, только там. Огонь не мог добраться до подвалов, если они были засыпаны землёй.

Они прошли через главный склад, который когда-то был забит мешками с мукой. Теперь всё было чёрным, лишь кое-где виднелись белые следы сахара, смешанного с золой. В воздухе всё ещё витал сладкий, тошнотворный запах, который смешивался с запахом горячего пепла и мокрой земли. Алексей почувствовал, как у него закружилась голова. Он остановился на мгновение, прикрыл глаза и глубоко вздохнул, стараясь привыкнуть к этому запаху. Он знал, что его будут преследовать ещё долго — во сне, в разговорах, в тишине.

Семёнов нагнулся, поднял горсть пепла и понюхал.

— Сладко, — сказал он. — До сих пор сладко.

— Не ешь, — предупредил Алексей. — Мало ли что там смешалось. Сахар мог пропитаться химией, керосином, чёрт знает чем. Всё, что горело, могло оставить яд.

Они шли по руинам, переступая через обугленные брёвна, и Алексей смотрел на то, что осталось от складов. Он вспомнил, как в детстве, до революции, его отец возил его на эти склады, показывал, как работают грузчики, как пахнет мукой и сахаром. Тогда всё казалось вечным, неизблемым. А теперь — пепел и пустота. Он провёл рукой по лицу, стирая копоть, и почувствовал, как пальцы оставляют на коже чёрные следы.

Они нашли подвал почти случайно — вход был завален обгоревшими досками, но Семёнов заметил, что доски лежат неровно, будто их кто-то двигал. Они разобрали завал, и под ними открылся тёмный проём. Оттуда пахнуло сыростью, землёй и чем-то ещё — возможно, химикатами. Алексей включил фонарь, и его луч разрезал темноту, выхватывая старые каменные ступени, покрытые слоем пыли.

— Осторожно, — сказал он. — Неизвестно, что там внизу.

Они спустились. В подвале было темно, но сухо. Алексей осветил стены — здесь не было ни копоти, ни сажки. Огонь не проник сюда. Но был беспорядок: столы перевернуты, бумаги разбросаны, сейф в углу открыт. Кто-то был здесь до них. И этот кто-то искал что-то очень тщательно.

— Смотри, — сказал Семёнов, показывая на сейф. — Он пустой.

Алексей подошёл, посмотрел. Сейф был вскрыт — не взломан, а именно вскрыт, аккуратно, с помощью инструмента. Кто-то знал код или умел открывать такие замки. Он провёл пальцем по краю дверцы и почувствовал металлическую стружку — замок вскрывали недавно, может быть, вчера, до пожара. Или во время него.

— До пожара, — сказал он. — Здесь были до вчера. Они знали, что склады сгорят, и успели забрать то, что им было нужно.

Алексей повернулся и осветил на стену. И замер.

На стене был знак. Вензель Николая II, вырезанный ножом или штыком, а над ним — перечёркнутая корона. Кто-то оставил это здесь, чтобы показать: императорская власть кончена. Или чтобы сказать: «Я был здесь, и я всё забрал». Алексей смотрел на этот знак, и его сердце билось быстрее обычного. Он не был искусствоведом, но он узнал этот вензель — он видел его в книгах, в старых фотографиях, на предметах, которые хранились в Эрмитаже до войны. Этот знак принадлежал человеку, который помнил старую Россию. Или тому, кто хотел, чтобы о ней помнили.

— Что это? — спросил Семёнов, подходя ближе.

— Это старый знак, — ответил Алексей, рассматривая линии. — Я видел такие в архивах. Люди, которые не приняли революцию, использовали его. Белая эмиграция. Может быть, кто-то из них.

— Но как они попали в Ленинград? Это же блокада, — Семёнов нахмурился. — Немцы не пускают.

— Не все немцы на фронте, — Алексей провёл пальцем по линии вензеля. — Агенты Абвера могут проникнуть куда угодно. Если они искали что-то на складах, это мог быть их след. Они могли проникнуть в город через линию фронта, или их перебросили самолётом. В любом случае, они здесь.

Семёнов подошёл к полу, наклонился, осветил фонарём.

— Следы, — сказал он. — Свежие. Два человека, может, три. Они были здесь после начала войны. Может быть, вчера, до бомбёжки. Они ушли в спешке — следы неровные, глубокие, будто они бежали.

Алексей подошёл, посмотрел на следы. Они вели в угол, где стоял пустой ящик. Семёнов подвинул его, но под ним был только утрамбованный земляной пол. Алексей наклонился и провёл рукой по земле. Она была твёрдой, но в одном месте она казалась чуть мягче, будто её недавно перекапывали. Он постучал по ней костяшками пальцев — звук был глухим, но не таким, как от обычной земли.

— Здесь что-то есть, — сказал он. — Копай.

Семёнов достал складную лопатку, которую всегда носил с собой, и начал копать. Земля поддавалась легко — её недавно рыли. Через несколько минут лопатка упёрлась во что-то твёрдое. Семёнов разгрёб землю руками и увидел металлическую пластину.

— Это люк, — сказал он.

Они открыли его. Под ним была небольшая ниша, размером с сейф. Но там было пусто. Алексей заглянул внутрь и увидел только маленький обрывок бумаги — обгоревший, почти чёрный, но не до конца уничтоженный. Он взял его в руки и посмотрел.

На бумаге были цифры и буквы. Часть шифра, как понял Алексей. Но не весь. Он повертел листок в руках и почувствовал, как его пальцы слегка дрожат. Это было не просто совпадение — это был ключ. Или часть ключа. И кто-то оставил его здесь специально, чтобы тот, кто придёт следом, мог продолжить поиски.

— Что это? — спросил Семёнов.

— Это ключ, — сказал Алексей. — Но к чему — я пока не знаю. Может быть, к шифру. Может быть, к сейфу. Может быть, к тайне, которую мы ищем.

Он спрятал бумагу в карман и ещё раз осмотрел подвал. Пустой сейф, знак на стене, свежие следы, пустая ниша — всё говорило о том, что здесь искали что-то важное. И нашли? Или нет? Алексей не знал. Он чувствовал только одно: он должен найти правду. Он должен понять, что здесь произошло, и кто оставил этот знак.

— Капитан, — сказал Семёнов. — Я слышал, что на складах работал какой-то химик. Может, он что-то знал?

— Бадаев, — сказал Алексей. — Аркадий Бадаев-младший. Пропал без вести. Его дело я видел в архиве. Он работал здесь с 1939 года. Говорили, что он был замкнутым, ни с кем не общался. Но он был лучшим химиком, который у нас был.

— Может, он успел спрятать то, что искали?

— Может быть, — Алексей посмотрел на вензель на стене. — Может быть, он спрятал, а тот, кто оставил этот знак, опоздал. Или он не нашёл того, что искал, и оставил нам подсказку.

Он вышел из подвала, шурясь от утреннего света. Солнце только начинало подниматься над горизонтом, и его лучи падали на пепелище, делая его ещё более мрачным. Запах горелого сахара всё ещё стоял в воздухе, смешиваясь с запахом дыма и горячего пепла. Вдалеке, на Неве, гремел зенитный огонь — немцы снова летели на город. Алексей стоял и смотрел на пепелище. Три тысячи тонн муки, две с половиной тонны сахара. Всё это теперь было частью земли, смешанной с золой и пеплом. Но кто-то искал здесь не продовольствие. Кто-то искал то, что было спрятано под складами. И этот кто-то был готов убивать.

Алексей подумал о Бадаеве-младшем, который пропал без вести. Он подумал о знаке на стене, о пустом сейфе, о шифре, который лежал у него в кармане. Он чувствовал, что это только начало. Что за этим стоит нечто большее, чем просто шпионская история. Это было связано с прошлым, с семьёй, с Россией, которую он почти забыл.

— Семёнов, — сказал Алексей, не оборачиваясь. — Найди мне всё, что можно найти о Бадаеве. И о том, кто мог оставить этот знак.

— Будет сделано, капитан, — Семёнов кивнул. Он посмотрел на небо, где уже виднелись точки вражеских самолётов, и добавил: — Но сначала нам лучше убраться отсюда. Они могут вернуться.

Алексей ещё раз посмотрел на обгоревшие склады и понял: это только начало. Он сжал в кармане обрывок шифра и почувствовал, как бумага нагревается от тепла его пальцев. Он не знал, куда приведёт его этот путь, но он знал, что должен идти до конца.

Он сел в машину и сказал Семёнову:

— Поехали. Нам нужно в архив.

Машина тронулась с места, и Алексей смотрел, как складские руины исчезают в зеркале заднего вида. Они растворялись в сером утреннем тумане, как будто их никогда не было. Но запах горелого сахара остался с ним — вьелся в одежду, в волосы, в память.

Он знал, что этот запах будет преследовать его до конца.

ГЛАВА 2. «Архивное дело»

Время: 20 сентября 1941 года, 14:00

Место: Ленинград, НКВД на Литейном, архивный отдел

Блокада | Алексей Ухтомский

Архивный отдел на Литейном был единственным местом в городе, где ещё пахло довоенной жизнью — бумагой, чернилами, сургучом. Алексей стоял у высокого стеллажа, перебирая пожелтевшие папки, и чувствовал, как пальцы немеют от холода. В здании НКВД топили редко — экономили уголь, — и дыхание превращалось в облачка пара, медленно оседающие на бумагах. Он снял перчатку и провёл пальцем по корешку одной из папок, ощутив, как холодный картон обжигает кожу. В воздухе витал запах старой бумаги, смешанный с запахом керосина, которым топили редкие лампы. Где-то в коридоре слышались шаги — кто-то шёл по коридору, и его шаги гулко отражались от высоких стен, создавая ощущение, что здание пустое, хотя в нём работали десятки людей.

Он приехал сюда сразу после складов, не заезжая в Смольный. Ранним утром 9 сентября, когда он впервые увидел пепелище и нашёл обрывок шифра, он уже знал, что должен искать здесь. Но получить доступ к архиву оказалось непросто — сотрудники отказывались выдавать дела, ссылаясь на военное время, на приказы, на то, что «всё уже изъято» или «утеряно при бомбёжках». Ему пришлось звонить Глухову, ждать подтверждения, предъявлять удостоверение четыре раза, и только через десять дней он наконец стоял здесь, в хранилище, где пахло историей.

Семёнов стоял рядом, перебирая другие папки. Он быстро пролистывал страницы, но ничего важного не находил. Они искали уже три часа, и мозги закипали от напряжения. Алексей заметил, как Семёнов несколько раз подносил руку к лицу, чтобы согреть дыханием замёрзшие пальцы. В воздухе висела тишина, нарушаемая только шелестом бумаг и редкими звуками с улицы — где-то далеко гремели зенитки, но здесь, в подвале архива, звуки были приглушёнными, словно город был где-то очень далеко.

— Бадаев, Аркадий Сергеевич, — прочитал Алексей вслух, открывая тонкую папку. — Химик-технолог. Работал на Бадаевских складах с 1939 года.

Он начал перелистывать страницы. Дело было тонким, почти пустым — всего несколько листов. Алексей заметил, что в углу некоторых страниц стояли пометки «Изъято» и даты — 1940 год, 1941 год. Кто-то уже забрал часть документов до него. Он перечитал анкету, но в ней не было ничего необычного: дата рождения, место работы, адрес. Родился в 1915 году в Петрограде. Окончил химический факультет Ленинградского университета в 1938 году. Работал на заводе, потом переведён на склады. Никаких компрометирующих записей, никаких доносов.

— Здесь почти ничего нет, — сказал Семёнов, откладывая другую папку. — Обычный химик, обычная работа. Зачем ему было прятаться?

— А вот зачем, — Алексей протянул ему лист бумаги. — Смотри.

На листе стояла пометка, сделанная красными чернилами: «Начальнику Особого отдела. 7 сентября 1941 года. Требуется срочный допрос Бадаева А.С. по вопросу секретных экспериментов, связанных с военными разработками. Документы изъяты в 1940 году по распоряжению ГУГБ. Возможное сотрудничество с иностранными агентами».

Алексей перечитал этот лист несколько раз. Датировка поразила его: 7 сентября 1941 года. За день до того, как немецкие бомбы упали на склады. Кто-то знал о Бадаеве и собирался его допросить. Но не успел. Или не захотел.

— 7 сентября, — перечитал Семёнов. — За день до пожара. Кто-то собирался его допросить, но не успел.

— Или не хотел, — Алексей положил лист на стол. — Обрати внимание: «документы изъяты в 1940 году». Значит, Бадаев уже тогда был под подозрением. Но его не арестовали. Почему?

Семёнов задумался, потирая переносицу.

— Может быть, он был ценным специалистом, — предположил он. — На войне такие люди нужны. Или у него были влиятельные покровители. Или он просто был чист, а кто-то пытался его оговорить.

— Или у него были связи, — Алексей перевернул страницу. — Здесь ещё одна пометка: «Дело Бадаева А.С. связано с делом Бадаева А.А., расстрелянного в 1918 году». Старший Бадаев — его дед.

— Что за дед?

Алексей взял другую папку, более старую, обвязанную шнурком. На обложке было написано: «Бадаев Аркадий Аркадьевич. 1918 год. Дело № 1372». Он открыл её и начал читать. Бумага была жёсткой, потрескавшейся на сгибах, и пришлось переворачивать страницы с особой осторожностью, чтобы не порвать их. Некоторые листы были настолько ветхими, что текст на них почти не читался.

— Аркадий Бадаев-старший, — проговорил он, — Работал на Императорском фарфоровом заводе с 1910 по 1917 год. Химик-технолог, специалист по огнеупорным составам. В 1917 году был арестован по доносу коллеги, в 1918-м расстрелян. Причина: контрреволюционная деятельность.

— Какая контрреволюция? — Семёнов подошёл ближе. — Он что-то делал против Советов?

— Он работал на императора, — Алексей перевернул страницу и замолчал. На следующей странице было написано: «По оперативным данным, Бадаев А.А. разрабатывал секретную формулу для военных нужд по личному поручению Николая II. Формула не была найдена».

Алексей почувствовал, как у него забилося сердце. Формула. Опять формула. Те же слова, что он слышал от Глухова, те же намёки на «секретные эксперименты». Что-то было связано с этими Бадаевыми, что-то, что искали и большевики, и немцы. Он провёл пальцем по строчке, чувствуя, как под его пальцами шелестит старая бумага.

Он поднял глаза на Семёнова и увидел, что тот тоже замер, читая через его плечо.

— Слушай, — сказал Алексей, — У нас есть связь между делом деда и внука. Оба занимались химией, оба работали на государство. Деда расстреляли за то, что он создал формулу для императора. Внука искали перед войной из-за тех же «секретных экспериментов». А теперь он пропал в день пожара.

— Ты думаешь, его убили? — спросил Семёнов.

— Не знаю, — признался Алексей. — Но то, что он пропал не случайно — это точно. Он знал что-то, что не должен был знать. Или хранил что-то, что не должен был хранить.

Алексей закрыл папку и посмотрел на стеллаж, где хранились сотни других дел. Где-то среди них могла быть ещё информация о Бадаевых — о том, что они искали, что прятали, зачем им был нужен тот самый сейф на складах. Он вспомнил обрывок шифра, который лежал у него в кармане. Он достал его и развернул на столе. Буквы и цифры, обгоревшие по краям, казались бессмысленными, но он чувствовал, что это часть головоломки.

— Нам нужно найти всё, что связано с этим делом, — сказал он. — И найти того, кто оставил знак на стене.

— А если это немецкий агент?

— Тогда у нас мало времени, — Алексей поднялся, чувствуя, как затекли ноги. — Немцы не ищут просто так. Если они пришли на склады — значит, знают, что там что-то было. И они уйдут ни с чем — или уже ушли.

Он взял папки под мышку и направился к выходу. В коридоре было темно, только редкие лампочки тускло освещали путь. Пол был скользким от грязи и воды — где-то прорвало трубу, и теперь по полу текла тонкая струйка, смешанная с бумажными огрызками. Алексей обернулся к Семёнову, который шёл следом, и сказал:

— Семёнов, найди мне всё, что можно найти о фарфоровом заводе. О том, что там делали в 1914 году. И о Николае II.

— Зачем?

— Затем, — Алексей остановился и повернулся. — Если дед работал на императора, может быть, формула была связана с ним. Может быть, Николай II что-то знал о ней. И может быть, внук пытался сохранить её, когда началась война.

Семёнов кивнул, записывая в блокнот. Он писал быстро, но аккуратно, несмотря на холод.

— Я понял, капитан. Но где мы будем искать? Архивы не работают, связь с Москвой почти нет...

— Ищи здесь, — Алексей показал на стеллажи. — Здесь всё, что осталось от старого Петербурга. Если мы не найдём здесь — значит, не найдём нигде.

Он вышел из архивного отдела и направился к лестнице. За окном снова гремели зенитки — немцы летели на город. Но Алексей думал не о бомбёжках, а о бумагах, которые он держал в руках. О том, что кто-то убивал, чтобы добраться до тайны, и что эта тайна была связана с самым страшным, что могло произойти в Ленинграде.

Он спустился по лестнице, чувствуя, как деревянные ступени прогибаются под его весом. В вестибюле его встретил холодный воздух, который ворвался внутрь, когда кто-то открыл входную дверь. Алексей остановился на мгновение, чтобы застегнуть шинель, и посмотрел на серое небо за окнами. Снег ещё не пошёл, но в воздухе уже чувствовался холод, который обещал долгую, голодную зиму.

Он думал о Бадаеве-старшем, который был расстрелян в 1918 году. О его внуке, который работал на складах и исчез в день пожара. О формуле, которая могла бы спасти тысячи жизней. И о том, что кто-то уже знал об этой формуле и охотился за ней.

Он знал: он должен найти её раньше, чем это сделают другие. И он должен понять, что на самом деле произошло на складах в ту ночь, когда всё сгорело.

Алексей вышел из здания на Литейном и сел в машину. Семёнов сел за руль и спросил:

— Куда теперь?

— В университет, — ответил Алексей. — Мне нужен химик, который сможет понять, что написано в этом шифре.

Машина тронулась с места, и они поехали по пустынным улицам Ленинграда. Город был серым, холодным, и редкие прохожие шли, опустив головы, пряча лица от ветра. Алексей смотрел на них и думал о том, что где-то здесь, среди этих людей, может быть тот, кто знает правду. Или тот, кто готов убить, чтобы она не была найдена.

ГЛАВА 3. «Портрет императора»

Время: 25 сентября 1941 года, 11:00

Место: Ленинград, Эрмитаж, отдел фарфора

Блокада | Алексей Ухтомский

Эрмитаж в блокаду был странным местом. Огромные залы, где когда-то толпились туристы и экскурсанты, теперь пустовали. Окна были заклеены крест-накрест бумажными полосами, чтобы стекла не разлетались от взрывной волны. Вдоль стен стояли ящики с эвакуированными ценностями — теми, что не успели вывезти в тыл, и теперь ждали своей очереди. В воздухе пахло холодом, пылью и ещё чем-то неуловимым — может быть, старым лаком или воском, которым когда-то натирали паркет. Тишина здесь была особенной — не той, что в пустых квартирах, где умерли люди, а той, что бывает в местах, где время остановилось. Алексей слышал, как его шаги гулко отражаются от высоких потолков, и ему казалось, что он идёт не по коридору, а сквозь эпохи.

Алексей шёл по пустынным коридорам, и его шаги гулко отражались от высоких потолков. Он редко бывал здесь в последнее время — слишком много работы, слишком мало времени. Но сейчас он шёл с одной целью: найти человека, который помнил дореволюционный Петербург. Он думал о том, что этот человек, возможно, был последним, кто мог рассказать о Бадаеве-старшем, о фарфоровом заводе, о том, как всё было на самом деле. Он не знал, что найдёт, но чувствовал, что это важно.

Он прошёл через пустой зал, где когда-то висели полотна Рембрандта, и увидел, как лучи солнца пробиваются сквозь щели в бумажных полосах на окнах, падая на паркет, оставляя на нём золотые полосы. Пыль кружилась в этих лучах, создавая ощущение, что музей дышит. Он остановился на мгновение, глядя на эту красоту, и подумал о том, что этот город — даже в блокаду, даже умирая — оставался прекрасным.

Модест Игнатьевич сидел в своей маленькой комнатке на втором этаже, среди стопок книг, каталогов и папок. Он был стар — за семьдесят, — но держался прямо, а глаза его смотрели ясно и внимательно. Он работал в Эрмитаже с 1910 года, ещё при императоре, и знал о фарфоре всё, что можно было знать. Его руки, покрытые старческой пигментацией, дрожали, когда он перелистывал страницы каталога, но движения были точными, привычными.

Алексей постучал в дверь и услышал тихое:

— Войдите.

Он открыл дверь и вошёл. Комнатка Модеста Игнатьевича была маленькой, заставленной книгами и папками, но уютной — в углу горела керосиновая лампа, бросая тёплый свет на стол. На стенах висели старые фотографии — музейные залы, экспонаты, лица людей, которых уже не было в живых. В воздухе пахло старым деревом, бумагой и сургучом.

— Капитан Ухтомский, — сказал Модест Игнатьевич, поднимая глаза. — Давно вы не заглядывали к нам. Хотя, признаться, я понимаю: война, дела...

— Модест Игнатьевич, — Алексей присел на стул напротив. — Мне нужна ваша помощь. Я ищу информацию о человеке, который работал на Императорском фарфоровом заводе в 1910-х годах. Аркадий Бадаев-старший. Вы знаете его?

Модест нахмурился, посмотрел в потолок, будто что-то вспоминая. Он долго молчал, и Алексей слышал, как где-то далеко в здании хлопнула дверь, а затем снова наступила тишина.

— Бадаев... Бадаев... — повторил он. — Нет, капитан, не припомню. На заводе работало много химиков и технологов. Я занимался каталогизацией, а не кадрами. Но почему вас интересует именно он?

— Он был расстрелян в 1918 году за контрреволюцию, — сказал Алексей. — Его внук работал на Бадаевских складах и пропал в день пожара. Я думаю, что дед и внук были связаны с каким-то секретным проектом. Может быть, с фарфором.

Модест покачал головой. Он снял очки и протёр их краем рубашки — жест, который, как понял Алексей, был привычным, почти рефлекторным.

— В 1910-х годах на заводе действительно велись секретные разработки, — сказал он. — Но я никогда не слышал о Бадаеве. Возможно, он был одним из тех, кто работал над военными заказами.

— Военными заказами? — переспросил Алексей.

— Ну да, — Модест встал и подошёл к стеллажу, где стояли толстые каталоги. — В 1914 году, когда началась война, завод переключился на военные нужды. Делали химическую посуду, оптические стёкла, даже детали для прицелов. Если ваш Бадаев был химиком, он мог работать над составами для этих изделий.

Алексей встал и подошёл к столу Модеста. Он смотрел, как старый архивариус перелистывает страницы каталога, и чувствовал, как в груди нарастает напряжение. Он знал, что ответ где-то здесь, в этих старых книгах, которые видели ещё императора.

— Но я читал, что он создал какую-то формулу, — настаивал Алексей. — Секретную формулу, которую искали немцы.

Модест улыбнулся и покачал головой. Его лицо озарилось пониманием, но в этой улыбке была лёгкая грусть.

— Капитан, формул было много. В войну все искали что-то, что могло бы дать преимущество. Но то, что ваши немцы ищут её сейчас... — он развёл руками. — Это странно. Через двадцать лет формула вряд ли была бы актуальна.

— Может быть, она была не просто формулой, — сказал Алексей. — Может быть, это был символ. Или ключ к чему-то другому.

Модест задумался. Он снова посмотрел на стеллажи, потом перевёл взгляд на Алексея. Потом подошёл к столу и открыл один из каталогов.

— Вот, посмотрите, — сказал он, перелистывая страницы. — Это каталог императорского фарфора 1910-х годов. Здесь собраны лучшие образцы того времени.

Алексей подошёл и посмотрел на страницы. На них были изображены вазы, тарелки, кубки — всё с императорскими вензелями, золотом, сложными узорами. Всё, что напоминало о той России, которой больше не было. Он провёл пальцем по одному из изображений и почувствовал, как бумага под его пальцами шелестит, будто хранит секреты, которые никто не хотел раскрывать.

— Вот, — Модест остановился на одной странице. — Кубок 1914 года. Изготовлен по проекту Дмитрия Милеева, расписан В.Л. Духен. Подносился императорской чете в том же году.

Алексей посмотрел на фотографию. Кубок был изящным, с высокими стенками, покрытый тонким узором, переливающимся на свету. В центре — императорский вензель, точно такой же, какой он видел на стене подвала. Тот самый вензель, который он нашёл на могиле Бадаева-старшего. Тот самый, который преследовал его уже несколько недель.

— Где он сейчас? — спросил Алексей.

— Эвакуирован, — ответил Модест. — Как и большинство ценностей, мы отправили их в тыл в 1941 году. Но куда именно — не знаю. Списки были большие, и всё делалось в спешке. Многие ящики уехали без описей, и мы до сих пор не знаем, где что находится.

— Можете узнать?

Модест покачал головой. Он снял очки и протёр их снова — Алексей заметил, что он делает это, когда волнуется или когда хочет выиграть время.

— Капитан, я бы рад помочь, но архивы уехали вместе с ценностями. У меня остались только каталоги и моя память. Но если вы хотите найти этот кубок, вам нужно искать эвакуационные списки. Возможно, в Смольном или в Москве. Или в Ирбите — туда отправили большую часть фарфоровой коллекции.

Алексей записал номер кубка в каталоге и закрыл блокнот. Он чувствовал, как его руки слегка дрожат от холода — в комнате Модеста было почти так же холодно, как на улице. Он посмотрел на старика и увидел, как тот дрожит, кутаясь в старый пиджак.

— Спасибо, Модест Игнатьевич. Вы очень помогли.

— Я ничего не сделал, — усмехнулся старый архивариус. — Но если найдёте кубок, дайте знать. Мне интересно, что в нём такого секретного.

Алексей уже повернулся к выходу, но на мгновение задержался. Он вспомнил что-то, что читал в деле Бадаева-старшего — о том, что тот создал формулу по личному поручению Николая II. Он обернулся и спросил:

— Скажите, Модест Игнатьевич, в 1914 году император часто посещал завод?

— Иногда, — Модест кивнул. Он откинулся на спинку стула, и в его глазах промелькнула тень воспоминаний. — Николай Александрович интересовался технологиями. Говорили, что он хотел сделать Россию промышленной державой. Но потом началась война, потом революция... — он вздохнул, и этот вздох был похож на вздох человека, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-то ещё. — Всё изменилось.

Алексей кивнул и вышел из комнаты. Он пошёл по пустынным коридорам, и его шаги снова гулко отражались от высоких стен. Где-то вдалеке слышались голоса — сотрудники Эрмитажа что-то обсуждали. За окнами снова гремели зенитки, но Алексей почти не слышал их.

Он думал о кубке, о Николае II, о Бадаеве. О том, как всё это связано. Он вспомнил, что в деле Бадаева-старшего было написано: «Формула не была найдена». И теперь он держал в руках каталог, где был изображён кубок, который мог быть ключом к этой формуле.

Он остановился у окна и посмотрел на Неву. Река была серой, холодной, и на ней виднелись баржи, которые везли продовольствие в город. Где-то там, за горизонтом, была война. Но здесь, в этом музее, время как будто остановилось.

Алексей сжал блокнот в руке и почувствовал, что он на правильном пути. Кубок был ключом. И он должен был найти его.

Он вышел из Эрмитажа и сел в машину. Семёнов, который ждал его у входа, спросил:

— Ну что, капитан, есть что-то?

— Есть, — ответил Алексей. — Кубок 1914 года. Он был эвакуирован из Ленинграда. Если мы найдём его, мы найдём формулу.

Он посмотрел на серое небо и подумал о том, что где-то там, в эвакуационных списках, был адрес кубка. И он должен был найти его.

ГЛАВА 4. «Химическая формула»

Время: 1 октября 1941 года, 13:00

Место: Ленинград, Университет, химический факультет

Блокада | Алексей Ухтомский

Университет на Васильевском острове выглядел мрачно. Окна были заклеены крест-накрест, парадный вход забаррикадирован мешками с песком. В холле было холодно, из-под дверей тянуло сквозняком, и только редкие лампочки тускло освещали длинные коридоры. Здесь почти никого не было — студенты ушли на фронт или в эвакуацию, преподаватели остались, но многие болели или просто не могли добраться до работы из-за бомбёжек.

Алексей поднялся на третий этаж, где находилась кафедра неорганической химии. Лестница была старой, с широкими ступенями, которые помнили ещё дореволюционных студентов. На стенах висели портреты учёных — Менделеев, Ломоносов, Бутлеров, — и их лица казались почти живыми в тусклом свете керосиновых ламп. Где-то в коридоре слышался голос — кто-то читал лекцию, и его голос эхом разносился по пустым аудиториям, создавая ощущение, что здание ещё дышит, ещё живёт.

Он постучал в дверь, на которой висела табличка с фамилией «Михаил Сергеевич Громов». Ему открыл невысокий сутулый мужчина лет шестидесяти, в очках с толстыми стёклами и в старом, застиранном халате. Он был худ — блокада уже давала о себе знать, — но держался бодро. Его глаза за толстыми стёклами смотрели настороженно, но в них чувствовалась та особая живость, которая бывает у людей, которые любят свою работу и не могут без неё жить.

— Капитан Ухтомский? — спросил он. — Проходите, проходите. У меня как раз перерыв между лекциями. Хотя, если честно, лекций почти не осталось — студентов не хватает.

Алексей вошёл в кабинет. Здесь было тепло — профессор, видимо, использовал небольшую керосиновую печку, которая стояла в углу и источала слабое, но ощутимое тепло. Стол был завален бумагами, книгами, пробирками. На стене висела таблица Менделеева, уже пожелтевшая от времени, и портрет Ломоносова. В углу стоял высокий шкаф с книгами по химии, многие из которых были на немецком языке — наследие довоенного времени, когда наука не знала границ. Алексей заметил, что на столе лежала раскрытая книга на немецком, и рядом с ней — тетрадь с записями, сделанными аккуратным, почти каллиграфическим почерком.

Алексей сел на стул, который скрипнул под ним, и положил на стол конверт.

— Я к вам по делу, — сказал Алексей, доставая из кармана обрывок шифра. — Вот. Нашёл на складах. Обгоревший. Часть какой-то формулы. Я думаю, это может быть связано с секретными разработками Императорского фарфорового завода в 1910-х годах.

Профессор взял лист, поднёс его к лампе и начал рассматривать. Он долго молчал, водя пальцем по обгоревшим краям, потом покачал головой. Его глаза за толстыми стёклами очков сузились, будто он пытался вспомнить что-то важное, что было похоронено в глубине памяти. Алексей слышал, как тикают часы на стене, и как где-то далеко, за окнами, снова гремят зенитки — город жил своей жизнью, даже когда здесь, в этом кабинете, решалась судьба тайны.

— Да, капитан, это химическая формула, — сказал профессор наконец. — Неполная, но я вижу, что это огнеупорный состав. Что-то вроде термоизоляционного материала для высоких температур. Такой состав мог применяться для облицовки военной техники или для бронированных щитков, которые нагреваются от трения. Например, для танков или самолётов — там, где металл подвергается сильному нагреву.

Он отложил лист и посмотрел на Алексея. В его глазах было что-то похожее на интерес — профессиональный интерес учёного, который видит перед собой загадку, которую нужно разгадать.

— Видите ли, капитан, — продолжил он, — если нанести такой состав на поверхность, он создаёт защитный слой, который не даёт теплу проникать внутрь. Это могло бы защитить экипаж танка от перегрева, или сохранить целостность корпуса самолёта при прямом попадании зажигательного снаряда. Но формула неполная — здесь не хватает нескольких компонентов. Без них состав не будет работать.

— И вы знаете, кто мог создать такую формулу? — спросил Алексей.

— В 1910-х годах на Императорском фарфоровом заводе действительно работали над подобными разработками, — профессор положил лист на стол и посмотрел на Алексея. — Но я не слышал о завершённой формуле. Скорее всего, это был экспериментальный проект. Не более.

— А если я скажу, что эту формулу создал человек по имени Аркадий Бадаев-старший, которого расстреляли в 1918 году?

Профессор задумался. Он снял очки и протёр их тряпкой, и в этом жесте Алексей увидел усталость человека, который слишком много видел и слишком много потерял. Он смотрел в окно, где серое небо смешивалось с серыми крышами домов, и в его взгляде читалась та же усталость, которую Алексей видел у всех в этом городе.

— Бадаев... — повторил он. — Нет, не помню такого. Но это не значит, что его не было. В те годы на заводе работало много специалистов, и часть имён забылась. Если он действительно создал такую формулу, она могла быть очень ценной.

— В каком смысле?

— В прямом, — профессор снял очки и протёр их тряпкой. — Видите ли, капитан, в войну технологии имеют огромное значение. Если это действительно огнеупорный материал — он мог бы спасти тысячи жизней. Танки, самолёты, корабли — везде нужна защита от высоких температур. Если бы немцы получили такую формулу, они могли бы улучшить свою технику. Или наоборот — мы могли бы использовать её против них.

Алексей кивнул. Это было логично. Но он думал не только о технологии. Он думал о том, что кто-то убил, чтобы получить эту формулу. Он думал о теле Бадаева-младшего, которое лежало в подвале складов, о следах пыток на его теле, о том, что он умер, так и не выдав тайну. Он достал из кармана фотографию, которую дала ему Евдокия Петровна, и положил её на стол.

— Посмотрите, — сказал он. — Это Бадаевы — старший и младший. 1914 год, Императорский фарфоровый завод.

Профессор взял фотографию и поднёс её к лампе. Он долго рассматривал лица на снимке, затем перевернул его и прочитал надпись на обороте: «Наша тайна умрёт вместе с нами».

— Что это значит? — спросил он, поднимая глаза.

— Я не знаю, — признался Алексей. — Но я знаю, что эта тайна стоила жизни обоим. И я должен найти её.

Профессор положил фотографию на стол и откинулся на спинку стула. Он долго молчал, глядя в потолок, и Алексей видел, как его пальцы слегка дрожат — не от холода, а от волнения.

— Знаете, капитан, — сказал он наконец, — в такие времена люди ищут не только материальные ценности. Они ищут смысл. Если эта формула связана с Николаем II, она может быть важна не только как технология, но как символ сопротивления. Для белых эмигрантов — как память о прошлом. Для большевиков — как угроза. Для всех остальных — как надежда.

Алексей посмотрел на профессора. Он был прав. В блокадном Ленинграде всё имело двойной смысл — хлеб, вода, даже химическая формула. Он чувствовал, что эта формула — нечто большее, чем просто технология. Это была нить, связывающая прошлое и настоящее, императора и его потомков, надежду и отчаяние.

— Я оставлю вам копию, — сказал Алексей, доставая второй лист. — Если вы сможете расшифровать её полностью — дайте мне знать.

— Конечно, — профессор взял лист и спрятал его в ящик стола. — Я сделаю всё возможное. Но учтите, капитан: расшифровка может занять время. И если формула неполная, мне может не хватить данных.

— Делайте что можете, — Алексей поднялся. — Спасибо, профессор.

— Удачи вам, капитан, — сказал Михаил Сергеевич, провожая его до двери. — И будьте осторожны. Если кто-то уже убил, чтобы получить эту формулу, он не остановится.

Алексей вышел из кабинета и пошёл по пустынному коридору. За окном снова было темно — затянутое облаками небо, редкие вспышки зениток. Он думал о том, что профессор сказал. Если формула — это не просто технология, а символ, то за ней охотятся не только немцы. Может быть, в этом замешаны и свои. Может быть, кто-то в самом Ленинграде хотел заполучить её для своих целей.

Алексей остановился у окна на лестничной площадке и посмотрел на город. Васильевский остров был серым, холодным, и редкие прохожие шли по улицам, опустив головы, пряча лица от ветра. Где-то там, среди этих людей, был тот, кто знал правду. Или тот, кто готов был убить, чтобы она не была найдена.

Он вспомнил фотографию, которую оставил профессору. «Наша тайна умрёт вместе с нами». Эти слова преследовали его уже несколько дней. Он чувствовал, что они были ключом к чему-то важному. Может быть, Бадаев-старший знал, что его убьют, и оставил эту надпись как предупреждение. Или как обещание.

Алексей понимал: он должен найти кубок раньше всех остальных. И он должен найти правду, которая была спрятана за этой тайной.

Он спустился по лестнице и вышел из университета. На улице его встретил холодный ветер с Невы. Он застегнул шинель и пошёл к машине, чувствуя, как его шаги оставляют следы на мокром асфальте.

— В Смольный, — сказал он Семёнову, садясь в машину. — Мне нужно поговорить с Глуховым.

Машина тронулась с места, и Алексей смотрел на проплывающие мимо улицы. Он думал о профессоре, о Бадаеве, о формуле. Он чувствовал, что приближается к разгадке, но знал, что путь будет долгим.

Он не знал, что через несколько дней ему предстоит встретиться с Евдокией Петровной и узнать правду, которая перевернёт всё.

ГЛАВА 5. «Свидетельни

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.